

Василий Сигарев

ЛЮБОВЬ У СЛИВНОГО БАЧКА

Шутка в одном действии.

Действующие лица

ОН

ОНА

Прежде, чем начать, следует все же уточнить, кто же всё-таки такой этот ОН и кто же такая эта ОНА. Уточняю.

ОН – Прошкин Михал Иванович, слесарь-сантехник ЖЭУ № 9. Образован в меру и то большей частью по линии своей профессии да еще в области устного народного творчества, как то: скабрзные анекдоты, неприличные частушки и матюки (в количестве девяносто двух разнообразных вариаций!). Знает еще гимн Советского Союза почти на зубок, «Раскинулось море широко», «Когда б имел золотые горы» и может насвистеть иностранную песню «Естудей». Любил мало, скромно, неумело, без размаха и всё больше по пьяному делу и женщин не очень высокого качества. Законным браком Бог не сочетал и детей не дал, о чем Михал Иванович, находясь в подпитии, сильно скорбит.

ОНА – Ксения Аристарховна Хидиатулина, всю сознательную жизнь детская поэтесса. Временами взрослая. Лирическая. Но это «только для себя», «только в стол». Носит парик жгуче-черного траурного оттенка, боа, котиковое манто, чернобуровый воротник наперевес через руку и три килограмма всевозможной бижутерии. Любила много, пылко, страстно, неистово, безумно, самозабвенно и даже почти до помешательства. Любила платонически и не очень. Любила тайно и открыто. Любила во сне и наяву. Любила ныне здравствующих, давно усопших и даже многих литературных героев. В частности, сходила с ума по Онегину, мучилась от неразделенной любви к принцу датскому Гамлету и, вполне вероятно (она в этом, наверни-ка, не сознается, можете не спрашивать), мечтала провести сказочную ночь в объятиях темпераментного веронского юноши Ромео. И вот, когда очередная любовь её, обязательно трагически, заканчивалась, она, как всякая тонкая натура, страшно и несоизмеримо ни с чем страдала. Впрочем, не долго. И всякий раз сии страдания побуждали её схватить перо и писать сонет. Что она и делала. В настоящее время в её письменном столе хранились ровно триста двадцать четыре таких сонета.

И даже как будто намечался еще один...

Впрочем, не будем забегать вперед.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Квартира Ксении Аристарховны Хидиатулиной. Скажем прямо – квартира четырехкомнатная, большая или даже просто огромная. Потолки высокие, недотягаемые, посеревшие. Везде обои цвета перезревшего мандарина. Везде ковры, тут и там надкусанные молью. Везде картины, в тяжёлых золочёных рамах и изображающие большей своей частью романтические морские пейзажи в духе Айвазовского и (почему-то) ветряные мельницы. Мебель в квартире старая, грандиозная, с претензией. Почти антикварная. Телевизора нет, не было и вероятно уже не будет. Зато есть ветхий ископаемый граммофон с похожим на какой-то из цветков медным растробом. Есть еще гигантская печатная машинка, за которой, кстати сказать, мы и застаём Её.

Она в развалку сидит на стуле перед многопудовым письменным столом и аккуратно, что бы не сломать двухсантиметровый покрытый чёрным древесным лаком ноготь, указательным пальцем правой руки щелкает по клавишам. В левой руке у неё длинная дамская сигарета в не менее длинном стеклянном мундштуке. Сигарету она курит, а в перерывах между затяжками держит её на уровне головы, направив зажженной частью вверх.

Вот за таким нехитрым занятием мы Её и застаем.

Впрочем, не мы одни...

Звонок в дверь.

Она лениво поднимается со стула. Томно зевает. Кладёт сигарету на край пепельницы. И только было собирается идти, как сигарета теряет равновесие и, кувыркнувшись, падает между столом и стеной.

ОНА. Вот негодница...

Звонок снова голосит. На этот раз пронзительней и настойчивей.

ОНА. Одну минуту! *(Хрустнув суставами, нагибается и пробует засунуть руку в щель. Рука не лезет).* Ничего. Мы тебя сейчас, голубчик, сдвинем... *(Снова хрустнув суставами, разгибается. Тянет стол. Тот не шевелится.)*

А дым уже валит из щели.

Звонок надрывается.

Она тянет, пищит. Стол не поддаётся. Тогда выражение её лица становится крайне трагическим.

ОНА. О, боже мой! Пожар! Боже мой! Всё горит! Пылает! Боже мой! *(Бежит к двери, открывает.)*

На пороге Он. Одет в грязную робу и кирзовые сапоги гармошкой.

ОНА. Скорее!!! Скорее!!! Нужно спасти моих детей!!! Спасите их!!! Дети мои!!! Мои рукописи!!!

Он бежит в туалет.

ОНА. Не туда!!! Там!!! *(Тянет его в комнату).*

ОН. Стояк, что ли?

ОНА. Там!!! *(Показывает на стол).* Скорее!!! Скорее!!! Огонь!!! Стихия!!! Бушует!!! Пламя!!!

ОН. Чё?

ОНА *(слабеющим голосом).* Там, там.... Скорее.... Дети мои... *(Падает в кресло).*

ОН. Где дети? *(Увидел дым).* У вас дымит чё-то?

ОНА. Дети мои...

ОН. Дымит, говорю, чё-то. *(Отодвигает стол, вытаскивает из-за него мундштук с истлевшей сигаретой).* Чибисы-то, тетенька, тушить надо сперва. Потом разбрасывать. Так ведь и кабздец может прийти не долго.

ОНА. Вы их спасли?

ОН. Чибисы, говорю, тушат сперва в первую очередь. Плюнула, окунула хорошо, а потом бросай, куда хотишь...

ОНА *(поднялась на ноги).* Вы их спасли! О, Боже, вы их спасли! Какое счастье! Спаситель! Вы спасли моих детей!

ОН. Да никого я...

ОНА. Молчите! Молчите! Я знаю, что вы будете всё отрицать! Я знаю, что вы не любите лавров и славы! Но вы их спасли! Спасли моих драгоценных чад!

ОН. Ладно, чё.... Спас, так спас...

ОНА. Спасли, спасли! Спаситель! Спаситель мой! Отважный Одиссей!

ОН. Кто?

ОНА. Нет, вы Геракл, снизошедший с Олимпа!

ОН. Я из жэка...

ОНА. Да, да, да! Вы Геракл из жэка! Как это мило! Как жутко красиво! Геракл из жэка! Я напишу о вас оду! Нет, не оду! Поэму! Целую поэму! Нет, не поэму! Огромную поэмищу на две страницы! И она будет называться: «Геракл из жэка».

ОН. Да ладно чё.... Не надо. У нас у жэке-то и книги отзывов нету. Детей-то много было?

ОНА. Что? Ах, я не знаю. Уже сбилась со счёта. Тысяча или две.

ОН. Скоко?!

ОНА. Нет, вы только не подумайте, что я не плодовита. У меня еще в той комнате столько же примерно.... И в той... *(Делает небрежный жест рукой).*

ОН. Столько же?

ОНА. Нет, больше! Гораздо больше.

ОН. А в той?

ОНА *(смешалась).* Не буду вас обманывать, в той нету.... Но, если вы настаиваете, я перенесу туда стопку-другую.... Хотите?

ОН *(странно поглядел на неё, достал какую-то бумажку).* Ломоносова, три. Двадцать один. Так?

ОНА. Так. А как вы догадались?

ОН. Заявочку по поводу засорения унитаза вы делали?

ОНА. По поводу чего?

ОН. По поводу унитаза...

ОНА *(задумалась).* Ах, вы насчёт клозета.... Но ведь я уже неделю назад...

ОН. Все претензии к начальству.

ОНА. Нет, нет, я и не думала...

ОН. У нас таких унитазов двадцать тыщ, каждому не угодишь. Показывайте.

ОНА. Что?

ОН. Толчёк чё.

ОНА. Кого?

ОН. Туалет.

ОНА. Боюсь, вам не понравится. Там пахнет.

ОН. Пахнет – не воняет. *(Пошел в туалет).*

ОНА *(обогнала его, встала на пути).* Нет!

ОН. Вы чё это?

ОНА *(залилась).* Мне стыдно...

ОН. Наклали, что ли недавно?

ОНА. Что?

ОН. Ходили, говорю, что ли? Если свежак увижу, не буду работать. Ходили?

ОНА. Я? Туда? Нет, что вы. Как можно. Там же миазмы...

ОН *(насторожился).* И много?

ОНА. Везде! Повсюду!

ОН. Большие?

ОНА. Мерзкие...

ОН. Вытравить нужно было сперва, а потом уж нас звать.

ОНА. Как вытравить? Духами? Я пыталась...

ОН. Зачем духами. Дихлофосом. Дустом.

ОНА. Думаете, забивает?

ОН. Еще как убивает. Полчаса и все кверху лапами.

ОНА. Кто?

ОН. Они.

ОНА. Миазмы?

ОН. И эти тоже.

ОНА. Думаете?

ОН. Чё тут думать? Шикнули и готово. Ну-ка дайте, взгляну хоть. А то может чё посильнее надо, если шибко большие. *(Хочет открыть дверь в туалет.)*

ОНА. Нет!

ОН. Да ладно, не загрызут, поди. *(Отодвинул ЕЁ в сторону, открыл дверь, включил свет, заглядывает).* Нету ни хрена. Разбежались, наверно, все. От запашка, наверно. Душок-то, в самом деле, ядрёный.

ОНА *(снова залилась).* Я же вас предупреждала...

ОН *(заглядывает в унитаз).* Да это-то еще цветочки по сравнению с некоторыми. Тут на днях у одной бабки был. Там воше – дышите глубже, проезжаем Сочи. И работа-то еще попалась, как назло, самая долбанутая – восьмерку менять. Я, пока бачок откручивал, чуть не обрыгался весь. Раз двадцать на воздух бегал. Говорю еще бабке-то, можно курить-то хоть, чтоб не так... А она – нет. Ни в какую. У меня типа того, что не курят, говорит. И стоит, главно, над душой, лыбится. Ну, думаю, кочерга, я с тебя по полной программе сдеру... Вантуз тащите.

ОНА. Кого?

ОН. Вантуз. У меня в сумке там. Сперва вантузом попробуем.

ОНА. Минуточку. *(Залезла в его сумку, порылась, вернулась ни с чем).* Прошу прощенья, но, кажется, этого инструмента там нет.

ОН. Как нет? Чё у тех, что ли забыл? *(Вышел из туалета, сунул руку в сумку, достал вантуз).* Чё вы? Вот он.

ОНА. Да? А я видно не заметила...

ОН *(хмыкнул).* Ладно лапшу-то вешать. Не заметили. Бабушке своей расскажите. Побрезговали, так и скажите.

ОНА. Нет, как можно...

ОН. Да ладно.

ОНА. Честное слово. Хотите, я его потрогаю. *(Схватила за вантуз).* Вот. Верите теперь?

ОН. За купол-то, зачем берётесь?

ОНА. А что? Хотите, что бы за деревяшечку?

ОН. Здесь-то можно. А купол-то в этих... Я ж его не мою...

ОНА. А мне всё равно.

ОН. Ладно. Давайте, сделаю да пойду. *(Зашёл в туалет, сунул вантуз в унитаз. Долбит.)*
Пауза.

ОНА. У вас профиль греческий. Как у Аполлона.

- ОН.** Не знаю, какой у вашего Аполлона. А у меня профиль широкий. И разряд приличный... *(Долбит.)*
- ОНА.** Нет, вы больше похожи на Иешуа...
- ОН.** Я на Афоню из кина похож. Мужики даже так и зовут.
- ОНА.** Да, Иешуа! Те же тонкие божественные и одновременно грешные черты. Тот же нежный овал лица...
- ОН.** Какой овал? У меня будка отродясь квадратная.
- ОНА.** Вам бы еще бороду...
- ОН.** Какую бороду, японский бог? Я тут после недельного себя со щетиной вот такой в зеркале увидел, так чуть кондратий не ёб... не прихватил с перепугу.
- ОНА.** Нет, ни Иешуа. Вы Блок...
- ОН.** Всё! Пошла растудить её в качель. Тихо... *(Достал вантуз, смотрит в унитаз. Улыбается. Пауза. Дернул за ручку бачка).* Всё. Готово. Принимайте.
- ОНА.** Уже?
- ОН.** Как два пальца об асфальт.
- ОНА.** Спасибо вам огромное! Вы мой спаситель!
- ОН.** Спасибо - много, а поллитры в самый раз будет.
- ОНА.** Что?
- ОН.** Спасибо, говорю, не булькает...
- ОНА.** Простите, я так разволновалась, что ничего не соображаю...
- ОН.** Ясно всё с вами. Рассчитываться, спрашиваю, как будите? Через квиташку или полюбовно договоримся?
- ОНА.** Как вам угодно. Я на всё согласна. Разве я имею право...
- ОН.** Полюбовно дешевле... *(Пауза).* Ну так чё?
- ОНА.** Вам денег надо?
- ОН.** Ну, если этого дела *(Щелкнул себя по шее.)* не имеется, тогда деньгой давайте.
- ОНА.** Одну минуту. *(Сбежала в комнату, принесла шкатулку).* Вот. Берите.
- ОН** *(заглядывает в шкатулку).* Мельче-то нету? У меня сдавать не чем.
- ОНА.** Берите всё! Ваш труд стоит большего! Он не измерим ни какими деньгами.
- ОН.** Зачем мне всё? На поллитру дайте и в расчёте...
- ОНА.** Берите... *(Суёт купюры ему в карманы).*
- ОН** *(отступает, вытряхивает деньги из карманов).* Ну-ка вы чё?! Эй! Не надо мне ни на какую поллитру! По квитку рассчитаемся и свободны. *(Достал квитанцию).* Вот. Двенадцать пийсят. Рупь пийсят за вызов и одиннадцать за работу. А то скандалить сразу. Не хотите давать и не надо. А скандалить-то зачем? Ну, народ!
- ОНА.** Я вас обидела, да?
- ОН.** В душу наклали. *(Достал деньги).* Вот сдача.
- ОНА.** Простите! Не стоило предлагать вам деньги, как я сразу не подумала! Вы же выше их...

ОН. Сдача вот.

ОНА. Какое я глупое, приземленное существо! Как я могла! Простите!

ОН. Сдача вот. На пол ложу. И квитанцию.

ОНА. Простите!

ОН. На пол положил. *(Положил деньги на пол, взял сумку, пошел).*

ОНА. Не уходите! Ради всего святого, не уходите!

Но Он всё-таки вышел. Да еще хлопнув дверью.

ОНА *(приняла трагическую позу, заламывает руки, рыдает и всё прочее).* Что я наделала, несчастная?! Обрела всё и лишилась всего в один миг! О, горе мне! Где ты теперь мой Аполлон, мой Иешуа, мой Блок?! Где ты?! *(Вдруг).* Но нет.... Коварство, которое нас разлучило, нас и соединит. Да. Женщина должна быть коварной. Только так она сможет быть счастливой в этом жестоком, немилосердном мире. И я буду коварной. И да простит меня Господь...

Зашла в туалет, суёт в унитаз коврик с пола. Потом рулон туалетной бумаги, пачку сигарет. И в завершение изящным жестом спускает туда же гигантскую бронзовую пепельницу в виде двуглавого орла.

Зловеще улыбается...

КАРТИНА ВТОРАЯ

Та же квартира. Она в невообразимом сверкающем платье расхаживает по комнате, держа возле уха сигарету в мундштуке. Нервно, почти панически курит. Стряхивает пепел на ковёр. В комнате смог.

ОНА. Как мучительно ожидание! Какие бури кипят в душе! Какие страсти! Какие страшные мысли! Какие терзания! Ненавижу ожидание...

Долгая пауза.

Как прекрасно ожидание! Какое нежное томление в груди от него! Какие теплые мысли! Какие восторги предвкушения! Я готова ждать хоть час! Хоть два. Хоть мильён лет. Хоть всю жизнь. Как я люблю ожидание...

Долгая пауза.

О, это ожидание! Оно убивает меня! Рвет на части сердце! О, мерзкое!

Звонок в дверь.

Она, как всякая утончённая натура, бледнеет до кончиков волос, теряет самообладание, впадает в полубморочное состояние. Однако довольно быстро приходит в себя и бежит открывать.

За дверью, как и следовало ожидать, Он. Всё в той же робе и сапогах гармошкой.

ОНА. Вы...

ОН *(установился в бумажку).* Ломоносова, три, двадцать один?

ОНА. Вы пришли?

ОН *(не отрываясь от бумажки).* Ломоносова, три, двадцать один?

ОНА. Вы не представляете, что я вынесла...

ОН. Ломоносова, три, двадцать один?

ОНА. Да, да.... Какие муки!

ОН. Заявочку по поводу засорения унитаза вы делали?

ОНА. Я, я. Это я...

ОН. Показывайте.

ОНА. Прежде нам надо объясниться...

ОН. Че?

ОНА. Унижайте меня! Топчите! Ругайте!

ОН. Это можно. Какого хрена начальнице звонили и про деньги ей натрепали?

ОНА. Я из благородных побуждений.

ОН. У меня сентябрьскую из-за вас сняли.

ОНА. Откуда?

ОН. Оттудова... *(Стучит себя по карману, который на сердце).* Легче теперь станет носить. Радуйтесь...

ОНА. Я рада, что вашему сердцу легче. Я счастлива...

ОН. Ну, ну. Совсем народ совесть потерял. Им как лучше хотишь, а они подлянки лепят. Постыдились бы...

ОНА. Мне стыдно. Мне так стыдно, что я готова провалиться. Прямо в Тартар.

ОН. Татар-то не надо трогать. Они хоть и хитрые, а такие подлянки делать не станут. С головой дружат. Чё думаете, это я щас к вам пришёл, потому что начальница заставила. А в другой раз не дождётесь. Хоть топить будет, хоть чё. Не приду и всё...

ОНА. Нет, боже мой! Простите меня...

ОН. Ну и прощу если, премию-то не вернешь. Вот если б компенсация была, тогда...

ОНА. Будет компенсация...

ОН. Пийсят восемь у меня премия...

ОНА. Я буду вашей рабой навеки.

ОН. Чё?

ОНА. Нет, нет! Как я могла. Вы ни за что не позволите, чтобы ваша возлюбленная так унижалась. Тогда я подарю вам вселенную...

ОН. Кого?

ОНА. Все звёзды с неба. Луну. Солнце. Вы рады?

ОН. Показывайте толчёк. *(Не дожидаясь, идёт в туалет.)* Ну, борзота. В душу накладывают, а потом издеваются еще.

ОНА. Там теперь не пахнет. Там аромат...

ОН. Поглядим. Учтите, если свежак увижу, вылавливать будите. Имею право, по КЗОТу. А то навалят, а потом им работай. Да еще недовольные... *(Открывает дверь, шарахается).*

В туалете цветы. Целое море цветов. Целый океан. Цветами увешаны стены, трубы, вентиля, лампочка, дверь. Цветы стоят на полу в вазах. Свисают гирляндами с потолка. Торчат из мусорного ведра. И мало того ими оплетен унитаз.

ОНА. Я не сильна в искусстве экибаны, но все же, по моему, мило. Тут есть даже магнолия. Этот сладковатый аромат даёт именно она...

Он хочет что-то сказать, но вместо этого чихает.

ОНА *(смеётся)*. Вам понравилось! Как я счастлива, что вам понравилось!

Он снова чихает.

ОНА. *(Пока она говорит, он тихонько разворачивается и уходит)*. О, боже, как вы прекрасны, когда радуетесь! Вы похожи на малое беззащитное дитя. Я хочу, чтобы вы радовались всегда. Я повезу вас в Никарагуа. Мы будем жить в маленькой-маленькой комнатке маленького-маленького отеля. По утрам мы будем пить кофе-гляссе и есть грей-фрукт. Ломтик за ломтиком. Ломтик за ломтиком. А над нашим столиком будет висеть полосатый зонтик. А потом, в самый разгар знойного полдня, мы, потные, именно потные, будем с разбегу бросаться в бас-

сейн с зелёной изумрудной водой. А вечером – ресторанчик. Страусовое боа. Учтивый гарсон. Яхта-ковчег. Ночь. Ласки. Объятыя. Цунами. Экстаз. Тропический дождь. Две мокрых души. Пальмы. Залив. Рыбак у причала. Чайка на небе. Холодный паштет. Жареный хлеб. Акватория звезд. Остров пустынный. Пригоршни камней. Вздохи волны. Туман за бортом. Ноги в воде. Сказочный берег. Шепот листвы. Отблеск змеи. Жало. Бросок. Агония. Вскрик. Сизые губы. Прощанье в глазах. Вопль грозы. Ухмылка судьбы. Слякоть. Улыбка. Вздох. Пение. Смерть. *(Заплакала)*. Вуаль. Крематорий. Прах. Океан. В спину борей. Истерика. Ночь. Виски. Пройдохи. Альфонсы. Скоты. Сплетни. Газеты. Пилюли. Позор. *(Зарыдала)*. Нет! Мы не поедem в Никарагуа. Мы поедem в Бразилию. Мы будем жить в маленьком-маленьком бунгало на краю маленького-маленького селения. По утрам мы будем пить кофе-гляссе... *(Оглядывается)*. Где же вы? Где вы? *(Идёт в комнату)*. Где же вы? Где вы?... Он ушёл. Я напугала его змейй. Даже такое отважное сердце может чего-то бояться. Что я наделала! Глупое, глупое созданье! Его нужно вернуть. Сейчас. Немедленно. Вернуть. *(Бежит к телефону, срывает трубку, набирает номер)*. Алло.... Простите. Доброе утро. Или день. Или вечер. Что? А куда я попала? Пальцем куда? Простите. Я не хотела. Я случайно. Нет, что вы, я не могу никуда сейчас идти. Мне нужно звонить. Я должна звонить. Простите. *(Снова набирает номер)*. Алло.... Кто? Жэк? Здравствуйте, уважаемый! Вас-то мне и нужно...

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Прошла неделя. В квартире повсюду свечи. Посреди комнаты стоит сервировочный столик на колёсах. На столике бутылка шампанского во льду, поломанный на четверти гранат, кусочки шербета в блюде, креветочный салат с веточкой петрушки, коробочка леденцового монпансье, тонкие-тонкие ломтики ржаного хлеба и еще менее тонкие пластики прозрачно-розовой буженины. И еще роза. Она порхает по комнате, зажигает свечи, курит, мурлычет романс. Звонок в дверь.

ОНА *(тушит сигарету)*. Пришёл.... Нет, сразу не надо открывать. Эти мгновенья заставят его вспылать еще больше.... Боже, какая я жестокая! Как я могу! Он ведь умрет там! Погибнет от мук! *(Бежит к двери, открывает)*.

На пороге Он. Без сумки, но в спецовке. Вид у него осунувшийся, усталый. На щеках приличная щетина. Вдобавок к этому его порядочно потрясывает.

ОНА. Наконец-то! Где же вы были? Я звонила, звонила, но мне не говорили, где вы. А потом сказали, что вы трудоголик и вероятно запойно предались работе. Это вы из-за меня? Чтобы забыться? Не думать. Вы из-за меня?

ОН. Ну...

ОНА. Как это мило! Как красиво!

ОН. Я это...чё пришёл.... Начальница извиниться сказала. Ну, что я там... в этом... в унитазе у вас червячков каких-то увидел, и работать не стал. Сказала, что вы ей все уши уже прожужжали, и, если типа не извинюсь, то коней в трудовую нарисует и прощай. А у меня там и так всё в конях. Так что, извините...

ОНА. Это вы...

ОН. Больше не буду. И позвоните ей, скажите, что приходил. Ладно? До свиданья.

ОНА. Куда же вы? Теперь, когда вы здесь, я никуда вас не отпущу. У нас будет ужин при свечах. Мы будем вкушать плоды гранатового дерева. Беседовать. Пить шампанское из потной ледяной бутылки.

ОН *(сглотнул слюну)*. Издеваетесь всё?

ОНА. Вы не любите шампанское?

ОН. Я б щас хоть стеклоочистителя...

ОНА. К сожаленью, у меня только шампанское. Но если хотите, я позвоню в ресторан...

ОН. Стыдно смеяться над больным человеком.

ОНА. Я и не думала.

ОН. Чё похмелить хотите?

ОНА. Что? Простите.

ОН. Нальете если, то век благодарный буду.

ОНА. Вы захотели шампанское?

ОН. Трубы горят жутко.

ОНА. Пламя? Оно испепеляет вас? Как знакомо мне это чувство...

ОН. Чё тоже любите? *(Щелкнул себя по шее).*

ОНА. Так люблю, что просто готова продать душу!

ОН. По вам не скажешь.

ОНА. О, боже, вот я и призналась! Глупое, глупое существо! Сейчас же забудьте всё, что я вам сказала.

ОН. Да ладно, я никому...

ОНА. Пойдемте же тогда.

ОН. Да я здесь вмажу...

ОНА. Пойдемте. *(Тянет его в комнату).*

ОН *(пытается снять сапоги).* Разуюсь хоть...

ОНА. Не нужно. *(Усадила его на стул возле столика, села напротив).*

ОН *(смотрит на бутылку).* Вы это... точно не пошутили?

ОНА. Я же просила вас забыть...

ОН. Да я про шампанское. Можно?

ОНА. Конечно, можно.

ОН. Точно?

ОНА. Зачем вы спрашиваете?

ОН. Ну, ладно... *(Дрожащими руками схватил бутылку, откупорил, налил в бокал, залпом опорожнил его, выдохнул. Смотрит на неё).* Ой, про вас-то забыл. *(Налил ей, потом себе).* Ну чё? Будем... *(Выпил).*

ОНА. Будем... вместе. Тысячу лет. Мильён. Вечность. *(Пригубила).*

ОН *(захмелел, завеселел, заулыбался).* Ух! На старые-то дрожжи торкнуло как сразу. Сказка.

ОНА. Сон.

ОН *(взял бутылку, изучает).* Совет хотите? Наше лучше берите. «Советское». А это бодяжат по чёрному. Где брали? Тут? В гастрономе?

ОНА. В Версале.

ОН. Это где такой? На Ленина, что ли?

ОНА. Во Франции.

ОН. В райпо, что ли.

ОНА. У господина Ширака.

ОН. Во Францево-то вроде только райпо из магазинов. Чё новый, что ли открыли? Названье-то еще какое: «У господина Широкого». Какие там во Францево господа, японский бог. Как все колхозниками были, так и останутся. Что Широкий, что Узкий.

ОНА. Вы считаете французов крестьянами?

ОН. А то кто же они? Ездил к ним как-то за грибами на своём «минскаче»...

ОНА. За трюфелями?

ОН. За опятами. Оставил его, в общем, у дороги, так они, подлюки, у меня весь бензин скачали.

ОНА. Странно. А я забыла в такси ридикюль, так мне его вернули.

ОН. Так то в такси. Таксисты щас тоже грамотные пошли. Мало чёго-кого. Могут и наехать ведь. Ну чё, хлопнем? *(Налил).* Дай бог не последняя. *(Чокнулись, выпил).*

ОНА *(пригубила).* Давайте есть гранат.

ОН *(пробежал по столу взглядом).* Я бы бутиков лучше...

ОНА. Бутерброд?

ОН. Ну. Можно?

ОНА. Ради бога. Я буду счастлива.

ОН. Не объем?

ОНА. Что?

ОН. Ладно. Разрешили. Поздно. *(Сгрёб весь хлеб, всю буженину, соорудил бутерброд, жадно ест).* Я ж тут пока керосинил не закусывал ни хрена. Так только если...

ОНА *(смотрит на него, выковыряла зернышко из граната, сунула в рот).* Я такая пьяная. Шампанское ударило мне в голову.

ОН. На старые дрожжи понятное дело.

ОНА. Сейчас я буду читать вам стихи.

ОН. У нас один тоже такой был, как примет так давай: «Гляжу, поднимается медленно в гору лошадь». В ЛТП лечился, щас не знаю где...

ОНА. Вы любите Некрасова? Тогда я буду читать вам Некрасова. Это про нас. Про народ. Про державу. Из «Пира». *(Встала, вскинула руку, декламирует):*

Ты и убогая,

Ты и обильная,

Ты и могучая,

Ты и бессильная,

Матушка-Русь!

В рабстве спасённое

Сердце свободное –

Золото, золото

Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая –
Совесть спокойная,
Правда живучая!

Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается –

Русь не шелохнется,
Русь – как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая –

Встали – небужены,
Вышли – непрошены,
Жита по зернышку
Горы наношены!

Рать поднимается –
Неисчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всеильная,
Матушка-Русь!..

(Закончила, мотнула головой, смотрит на него, улыбается.)

А у него слёзы.

ОНА. Что с вами?

ОН *(стучит себя в грудь)*. Люблю про войну когда.... У меня ж отец через всю войну от звонка до звонка. Пехотой. В Варшаве самой был. А ему подлюки газ отключили, что на гибкий шланг без их ведома. А у него вот тут раны, там раны, пуля где-то еще и на заднице шрам. А ему газ тово... заглушку ввинтили. Он к шишкам хотел. При медалях, всё, пошёл, а там вот такая фига. Не пускают. В собес дуй, говорят. А в собесе тетка вот такая сидит – три на три, десять подбородков. Пиз... чеши-ка ты, старый, домой, говорит. А он чё.... Обиделся, по-

нятное дело. Матом на неё. А она не дура возьми да и милицию. А у него наган именной с собой оказался. Без патронов само собой. А пацаны-то молодые приехали. Зеленые. Пороху не нюхали. Вот и вышло. «Уазик» бросили и ноги в руки. Судить хотели. Не успели. Помер батя. Тогда-то вот у меня и понеслась. И кони в трудовую полетели и всё остальное. Нет потому что на свете правды и не будет...

ОНА. Мы будем искать её вместе.

ОН. Да я-то уж отыскался. Уж всё. Щас бы только до пенсии, а там годик передохнуть и то-во можно.... Хотите, я вам тоже стишок выдам? Частушку.

ОНА. Зачем вы спрашиваете?

ОН. Она только это... тово... такая...

ОНА. Читайте?

ОН. У меня не по чему, я так расскажу. Спою.

ОНА. Пойте.

ОН (*прочистил горло*). Так. (*Запел*). Полюбила парня я, оказался без.... Нет, другую буду. (*Снова запел*). Полюбила тракториста, как это водится – дала. Три недели сиськи мыла и соляркою ссала. Ух.

ОНА (*стучит в ладоши*). Bravo! Bravo! Какая экспрессия, какие яркие народные образы! Какая тонкая аллегория! Разочарование в любви – вечная тема в поэзии! Помните, у Вильяма? Сто тридцать седьмой сонет, помните? (*Читает*):

Любовь слепа и нас лишает глаз.

Не вижу я того, что вижу ясно.

Я видел красоту, но каждый раз

Не мог понять – что дурно, что прекрасно.

И если взгляды сердце завели

И якорь бросили в такие воды,

Где многие проходят корабли, –

Зачем ему ты не даешь свободы?

Как сердцу моему проезжий двор

Казаться мог усадьбою счастливой?

Но всё, что видел, отрицал мой взор,

Подкрашивая правдой облик лживый.

Правдивый свет мне заменила тьма,

И ложь меня объяла, как чума.

(*Улыбается*). Каково?

ОН. Про войну лучше. А за такое раньше ссылали при Сталине куда надо. И правильно делали. Нечего народ баламутить. Я ж это тово... старой закваски. Сталинской.

ОНА. Вы считаете, чтобы творить, поэт должен быть гоним?

ОН. Чё? Это то.... Ну.

ОНА. Значит, вы Бродского любите? Диссидентов.

ОН. Да так.... Я вообще-то Пугачёву больше. Ну и «Май» еще этот...

ОНА. Майков? Это который Нил Сорский? Но разве он писал...

ОН. Нет, с Шатуновым когда...

ОНА. Боже мой, какой вы начитанный! Я просто жалкая первоклассница в сравнении с вами. Вы должны сделать мне ликбез! Сделайте мне ликбез...

ОН (*встал*). Вы это... видно, в самом деле, тово... пьяненькая...

ОНА (*идёт к нему*). Да, я пьяна. Но всё равно сделайте мне ликбез.... Научите меня всему, что знаете и умеете.

ОН (*отступает*). Да я вообще-то не очень это... бутербродом только. Классически.

ОНА. Давайте классику! Я обожаю классику! Сделайте мне ликбез о классиках... (*Упала на диван, томно развалилась*). Давайте же. Я вся ваша...

ОН (*прочистил горло*). У меня перегар, предупреждаю... (*Растегивает воротник, подходит*). Как-то это... не удобно даже. (*Взял бутылку, допил шампанское из горла*).

ОНА. Ну что же вы? Мне уже не терпится...

ОН (*мнётся*). Вот ведь.... Страшно стало. Может, я вечером лучше приду. Мне ж сейчас и на работу надо. Да и помылся бы.... Давайте, я вечером.

ОНА. Вечером?

ОН. Ну. Мне ж щас работать еще...

ОНА. Хорошо, вечером.

ОН. Ну. Помоюсь. Воняю.... Неделю ж керосинил...

ОНА. Вечером. Я буду ждать. Но обещайте, что сделаете мне ликбез.

ОН. Ну, я у мужиков спрошу, как это.... У нас молодые есть, знают, поди. (*Пошёл к двери*). Вы это... раз уж мы тово... чирик мне не займете?

ОНА. Что?

ОН. Червонец, говорю, до вечера не займете? Последний день сёдня и всё...

ОНА. Вы так метафорично выражаетесь, что я абсолютно ничего не понимаю.

ОН. Десять рублей одолжите.

ОНА. Ах, вот оно что! Вы на мели?

ОН. Прогудел всё.

ОНА. Конечно, конечно. (*Принесла шкатулку*). Берите, сколько вам надо.

ОН. Ну, тогда я полтяш... (*Взял деньги, повеселел*). А вечером принесу. Перезайму и принесу. Вы это... не думайте только. Обязательно принесу. Вечером.

ОНА. Вечером.

ОН. Вечером.

ОНА. Вечером.

ОН. Вечером. (*Уходит*).

ОНА. Свершилось! Я покорила его! Теперь он мой! И мы поедим с ним в Никарагуа! Мы будем жить в маленькой-маленькой комнатке маленького-маленького отеля. По утрам - кофе-глассе и грей-фрукт. Ломтик за ломтиком. Ломтик за ломтиком. Ломтик за ломтиком...

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

Ночь. Полумрак. В квартире горит одна-единственная свеча. По стенам мечется огромная бесформенная тень с длинной тонкой сигаретой в руке. Тень нервно, с остервенением курит. И с таким же остервенением машет головой.

ОНА. Это женщина! Пошлая институтка со смазливим личиком! И шампанское! Оно вскружило ему голову, разожгло пыл, и он не смог устоять перед её чарами! О, боже, зачем я отпустила его! Глупое, глупое создание! И вот сейчас эта грязная девица сидит у него на коленях и лобзает его ядовитыми устами! А он рассказывает ей про Данте и Сафо! Поёт ей о любви! А она вульгарно смеётся и просит музыкантов играть романс! Подлец! Мерзавец! Ненавижу его!

Звонят в дверь.

Она открывает.

В квартиру вваливается Он. Пьяный просто жутко.

ОНА (холодно). Где вы были? Нет, не говорите. Не стоит. Я всё знаю. Вы были с женщиной. Вы рассказывали ей про Данте и Сафо. Вы пели ей о любви...

ОН (делает руками какие-то нелепые жесты). Я это... червонец еще дай.

ОНА. Вы пьяны!

ОН. Воще... вот так...

ОНА. Значит, я права – вы были с женщиной!

ОН. Да воще...

ОНА. Кто она такая?

ОН. Кто такая?

ОНА. Нет, не говорите! Я всё знаю. Она кабацкая шлюха. Так?

ОН. У меня там кореша.... Недогон получился.... Чирик еще...

ОНА. Вы предали меня! Почему?!

ОН. Чирик нам... кореша...

ОНА. Она искусная любовница?

ОН. Кореша воще тоже красивые...

ОНА. Их было несколько?! О, боже! Как вы могли?! Вы варвар! Скиф! Печенег! Зачем вы это сделали?

ОН. Пью.... А чё? Пью.... Вот слушай... *(Загибает по очереди пальцы)*. Батяня тово, да.... Мамка еще в девять лет, да.... Батяня сразу за пузыри.... А ему газ – шась. Всё.... А у меня кошка жила. Машка. В лифт залезла и пахнет. Соседи орут. Твоя – убирай. А на первом этаже Тамарка, да.... У неё трое. Я ей тово, говорю, давай.... А она: от тебя даже кошки вешаются. Вот. А потом у нас Гелька работала, да.... Маляршей, да.... Сидевшая. Пусть, думаю, да.... Неделю пожили. Всё. Обкрала и тово. Всё.... По газете ещё с одной, да.... Та красивая вся. С золотом. Пришла, да.... Квартиру посмотрела, да.... Завтра, говорит, в кино пойдём, да.... Я в галстук. Всё. Жду.... Фига. Не пришла. Я в гастроном сразу. Тово мне. Три по двести. Халк и домой. По мосту иду, да. Встал. На реке лёд. Об лёд, думаю, лучше, да.... На перилину полез, да. А там менты – поехали. Я им: я тово щас, а потом.... А они бить. Вот.

ОНА. Я вам не верю. Это всё шампанское. Оно вскружило вам голову.

ОН. Да. Надо было не пить. А то вишь, как оно. По новой.... Так ты чирик-то дай, а...

ОНА. Я не верю вам. Вы надругались над моими чувствами. Растоптали их. Уходите!

ОН. Чирик всего.... Недогон.... Мужики ждут...

ОНА. Оставьте меня! Уходите! Варвар! Скиф! Подлец!

ОН. Пойду тогда.... Не дадите?

ОНА. Уходите! Не желаю вас видеть!

ОН. Чирик всего...

ОНА. Уходите!

ОН. Ладно, тогда... пойду...

ОНА. Уходите!

Он молча уходит.

ОНА (*бежит в комнату, садится за стол, вставляет в машинку лист бумаги, яростно долбит по клавишам*). Любовь поругана, убита. Умерла...

КАРТИНА ПЯТАЯ

Три дня спустя. Утро. В квартире всё точно так же, как и в тот день, когда эта нехитрая история началась. Нету ни свечей, ни столика, ни розы на нём.

Она в развалку сидит на стуле перед столом и аккуратно, чтобы не сломать ноготь, указательным пальцем правой руки нажимает на клавиши машинки. В другой руке у неё длинная сигарета в мундштуке, которую она изредка подносит к губам. Всё остальное время сигарета находится возле её уха.

В дверь звонят.

Она томно зевает, лениво встаёт, кладёт сигарету на край пепельницы. Секунду размышляет, гасит сигарету, плюнув на неё, и идёт открывать.

На лестничной клетке Он. В костюме, галстук, с букетиком астр, завёрнутым в «АиФ». Основательно выбритый.

Она долго глядит на него, не узнаёт.

Молчат.

ОНА. Вам кого?

ОН. Вас.

ОНА. Вы из Дворца Metallургов? Администратор? Очень рада. Проходите в комнату.

Он заходит.

ОНА. Только сразу должна вас предупредить, что в этом месяце никаких вечеров. У меня была ужасная личная трагедия, и теперь я вся в работе. Целиком и полностью. Это мне? (*Взяла у него букет*). Очень признательна. Только наперед знайте, что я люблю розы. Цвет по настроению. В крайнем случае, можно хризантемы.

ОН. Я не это... тово... не из дворца...

ОНА. Откуда же вы? Ах, да. Вы из Дома Творчества Юных. Помню, помню. Так знайте же, что туда я ни шагу, покуда эта Геката правит там бал! Знаете, как отозвалась она о моём творчестве? Я сейчас, к сожалению, не помню, но это было просто унижительно. Вы просто представить себе не можете! Ужасно! А манеры? Какие у неё манеры! Жуткие, плебейские, мещанские! Это просто чудовищно! Полагаю, эти цветы – её инициатива. Какое дурновкусие! Ужасно! Возьмите их назад. (*Сунула ему в руки букет*). Нет, решительно никаких вечеров! Тем более я пережила грандиозную личную трагедию. Такого не было ни у Ахматовой, ни у Цветаевой. Не говоря уже о Жермене де Сталь. Жуткая, жуткая драма. Он возник в моей жизни из ниоткуда и ушёл из неё в никуда. Вы спрашиваете, кем он был? Для меня он был всем: другом, любовником, смыслом жизни, наконец, Богом. Какой он был? Прекрасный, как Гермес и мудрый, как Аристофан. Но он оказался обыкновенным жигало и, к тому же, аль-

фонсом.... Нет, я не желаю о нем вспоминать! Зачем вы меня спрашиваете?! Пощадите! (*Закрывает лицо ладонью. Пауза.*) Так значит, вы из Дома Творчества Юных? Вы хотите пригласить меня на вечер? Конечно, я непременно буду...

ОН. Я из жэка...

ОНА. Откуда?

ОН. Из жэка.

Пауза.

ОНА. Вы?

ОН. Я.

ОНА. Как вы посмели прийти?

ОН. Я это...

ОНА. Зачем весь этот маскарад?

ОН (*показывает на свой галстук*). Этот?

ОНА. Зачем вы переоделись администратором?

ОН. Кем?

ОНА. Как это подло! Эти переодевания. Этот маскарад. Вы заставили меня говорить о вас. О, я глупое, глупое существо! Зато теперь вы знаете, что вы есть такое. Вы жигало и альфонс, алкающий забав...

ОН. Я завтра кодироваться иду.

ОНА. Меня не интересует ваше будущее. Зачем вы пришли?

ОН. Деньги вам... (*Достал пятидесятирублёвую купюру*). Вот...

ОНА. Оставьте себе. Вы и так оскорбили меня.

ОН. Правда? Я не помню, честное слово. Помню, что приходил, а чё говорил, не помню. Ругался, да?

ОНА. Вы растоптали моё сердце.

ОН. Дрался, что ли? Это случайно. У меня никогда такого, честное слово.... Первый раз. Я не буду больше. Тем более всё. Завтра уже записался. По методу Довженко. Там это надо, что бы месяц ни-ни. Так я соврал, чтобы быстрее.

ОНА. Зачем вы говорите всё это? Вы хотите меня запутать, обмануть?

ОН. Нет, точно иду. Всё. Железка.

ОНА. Учтите, у вас ничего не выйдет...

ОН. По Довженке, говорят, верняк. У нас Кузьмича жена водила. Уже год ни капли. И не тянет, говорит. Врет, думаете?

ОНА. Хватит. Я устала от вас. У меня куча работы...

ОН. Стираетесь, что ли?

ОНА. Уходите. Я поняла, зачем вы пришли...

ОН. Если вы про то, то я не за этим. Я ж понимаю, что вы тогда выпивши были, вот и заиграло. У кого не бывает. Я не за этим. Я по-серьёзному.... Может чё получится...

ОНА. Хватит. Уходите.

ОН. У меня семьсот оклад. Плюс премия. Еще нахалтурю, бывает, половину.

ОНА (*схватила за голову*). У меня от вас начинается мигрень. Оставьте меня.

ОН. Чё никак, значит?

ОНА. Уходите!

ОН. Никак, значит, да?

ОНА. Уходите сейчас же! (*Села на диван, закрыла лицо ладонью*).

ОН. Ладно, тогда... пойду, раз так... (*Вышел в прихожую, положил на пол цветы, деньги. Стоит*).

МОЛЧАНИЕ

Я же тогда-то тово... не помер чуть. Белочка была. Домой приполз, лежу в коридоре, а с кухни какой-то мужик выходит с рыбиной в руке. И по имени меня. Ты чё, говорит, Прошкин, совсем уже, гляжу, облик человеческий потерял. Я ему типа тово, что нет. А он: как нет? Оглянись, говорит, как ты живешь. Я оглянулся. Приберусь, говорю. Он: не про то я. Для чего, говорит, человек живёт? Не знаю, говорю. А он: вот ты для чего живёшь? А я возьми и ляпни: умереть, что бы. Он: а таракан для чего? Баб чтоб пугать, говорю. А он: нет, Прошкин, человек для того живёт, чтобы наследить везде. А после тебя, говорит, чё останется, бутылки пустые. Я ему: иди ты к едрене фене, говорю, учишь... Он постоял, постоял и говорит: всё, Прошкин, непутёвый ты ребенок получился, решил я, что пора тебе. И рыбиной так по мне провёл и всё. Не помню больше. Глаза-то, когда открыл, под капельницей лежу, в больнице. Медсестра, говорит, траванулся с бодяги. И друганы все тоже. Федька так тот вообще помер. Не откачали. А меня откачали. Дверь я ногой пнул, когда плохо стало. А она не закрытая была. Соседка-то и увидела. А так бы всё. Затух бы уже. Я когда потом про Федьку-то узнал, страшно сразу стало. Под одеяло залез и думаю. Как же это, думаю, жил-жил человек да и помер. Не стало. И поплакать даже не кому. Нету никого потому что. И у меня вот... (*Заплакал*). Никого. А потом про вас подумал. Может, получится чё, думаю. Холостая вроде и вроде как и понравился, не знаю чем. Из больницы сбёг, в парадное и к вам. А оно вишь как.... Вы б простили, может. Чего по пьяному делу не бывает, а? Я и по хозяйству мастеровой.... Нет? Ну, ладно тогда... пойду. (*Постоял*). Пойду...

Вышел.

И всё вернулось на круги своя.

Прошкин Михал Иванович по-прежнему ходит по квартирам, чинит сливные бочки, меняет прокладки, прочищает засорения. И по-прежнему предлагает договориться любовно...

Ксения Аристарховна Хидиатулина по-прежнему детская поэтесса. Временами взрослая. Лирическая. Она по-прежнему внезапно пылко и страстно влюбляется и пишет сонеты...

Солнце по-прежнему светит...

Звезды по-прежнему мерцают...

Странная планета Земля по-прежнему круглая и крутится...

И лишь пропасть между ними – человеками и ими – творцами растёт.

Вот такая вот, братцы, шутка получилась нешуточная.

Счастья вам!!!

ТЕМНОТА

ЗАНАВЕС

КОНЕЦ

Все авторские права сохраняются.

Постановка пьесы на сцене возможна только с письменного согласия автора.

Василий Сигарев

Город Нижний Тагил

Свердловской области

ул. Калинина, дом 109 кв. 18. Телефон 31 47 64

e-mail: sigarev@uraltelecom.ru